

Десяткова Ольга Владимировна

МЕТАГЕОГРАФИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ ВЯТСКО-ПОЛЬСКОГО ТЕКСТА

В исследовании предпринята попытка комплексного изучения образа Вятки в сознании ссыльных поляков, а также знаковых мест и личностей, оказавших влияние на формирование знакового ландшафта и городской эстетики. Источники и культурные феномены, связанные с польской ссылкой в Вятскую губернию, ещё не становились предметом изучения с этой точки зрения. Автор делает вывод о том, что и ссыльные, и оказавшиеся в Вятке по долгу службы поляки стали частью культурной памяти, наполнили культурный ландшафт образами, воплощёнными в художественных формах, которые до сих пор определяют неповторимый стиль города.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/8-1/15.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (34): в 2-х ч. Ч. I. С. 74-78. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

IDEA OF JUSTICE IN TERRORISM

Dashkova Sof'ya Vladimirovna, Ph. D. in Philosophy
Karchagin Evgenii Vladimirovich, Ph. D. in Philosophy
Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering
sofjadashkova@rambler.ru; evgenkar@yandex.ru

The authors discuss the idea of justice in the context of terrorist activity, reveal three parameters that determine the interrelation between terrorism and justice: causal, axiological and teleological, consider the idea of justice as the reason, value and specific-purpose substantiation of terrorist activity, and conclude that the rhetoric of struggle for justice is a front for other purposes in modern terrorism.

Key words and phrases: justice; terrorism; modern terrorism; violence; freedom.

УДК 008

Культурология

В исследовании предпринята попытка комплексного изучения образа Вятки в сознании ссыльных поляков, а также знаковых мест и личностей, оказавших влияние на формирование знакового ландшафта и городской эстетики. Источники и культурные феномены, связанные с польской ссылкой в Вятскую губернию, ещё не становились предметом изучения с этой точки зрения. Автор делает вывод о том, что и ссыльные, и оказавшиеся в Вятке по долгу службы поляки стали частью культурной памяти, наполнили культурный ландшафт образами, воплощёнными в художественных формах, которые до сих пор определяют неповторимый стиль города.

Ключевые слова и фразы: польская ссылка; город; провинция; знаковый ландшафт.

Десяткова Ольга Владимировна, к. культурологии, доцент
Вятский государственный университет
olgadesatkova@yandex.ru

МЕТАГЕОГРАФИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ ВЯТСКО-ПОЛЬСКОГО ТЕКСТА[©]

Исследование выполнено по гранту Президента РФ для поддержки молодых российских учёных и научных школ.

История русско-польских отношений полна противоречий. Начиная с XVIII века, в отдалённые губернии Российской империи поляки прибывали как по собственному желанию в поисках места службы, так и в ссылку. XIX век стал наиболее трагичным для поляков, отстаивавших независимость своей страны. В Вятскую губернию были сосланы более трехсот участников польского восстания 1830 г., а после восстания 1863 г. началась массовая ссылка в Сибирь и другие губернии империи. Исследователи не раз обращали внимание на вклад поляков в общественное развитие этих регионов. Несмотря на множество запретов, ссыльные способствовали развитию предпринимательства, сельского хозяйства и культуры, оказав влияние на сознание местной интеллигенции. Известно, к примеру, что сосланные в Вятку А. Красовский, виленский архиепископ, поэт, филолог А. Красинский и художник Э. Андриолли повлияли на творческое становление личности знаменитого русского художника Виктора Васнецова. А. Красинский участвовал в благотворительной лотерее, где разыгрывались произведения В. Васнецова, необходимые для обучения прославленного впоследствии живописца в Петербургской академии художеств.

Сосланные в отдалённые губернии поляки оказались в чужих землях, в окружении непохожих на них людей. Они осмысливали пространство своей ссылки, продуцируя его образы, формируя польский текст в культурном ландшафте российской провинции. Профессор В. Сливовская пишет: «...они создавали миф Сибири с его символом – трудящимся в рудниках, прикованным к тачке каторжником...» [15]. Таким образом, постижение знакового ландшафта России невозможно без изучения метагеографических смыслов польского текста. Географический образ, по словам теоретика гуманитарной географии Д. Замятина, есть система взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, архетипов и стереотипов, ярко и в то же время достаточно просто характеризующих какую-либо территорию [8, с. 29]. Источники, связанные с вятской ссылкой, ещё не становились предметом изучения с этой точки зрения. Одной из причин тому явилось ограниченное количество дошедших до нас текстов, однако обращение к ним также может внести вклад в исследование метагеографических аспектов польского текста русской культуры.

Вятская земля воспринималась как часть единого пространства, включающего в себя Сибирь, Урал, Север России. По утверждению В. Сливовской, сибирскими ссыльными считались прибывавшие в Архангельскую,

Пермскую губернии. В Кракове в 1857 г. был опубликован «Список сосланных в Сибирь, а именно в Вятскую губернию, участников восстания 1831/1832, пребывавших там в 1832 году». В списке значились сосланные в Вятку польские офицеры – участники восстания 1830 г. [15]. Так, складывается представление о расположении Вятки в Сибири. Врач-литератор, общественный деятель второй половины XIX в. С. И. Сычугов писал своему родственнику: «Вятка была когда-то ссыльным городом, и потому публика, не обращая никакого внимания на географические карты, всё представляла её где-то в Сибири. А ведь Вятка находится от Москвы в таком же расстоянии, как Саратов, Пенза, Харьков... считающиеся почему-то очень близкими Москве» [12, с. 171].

Не удивительно, что и в сознании самих поляков внутренние губернии России, не входившие в географический локус Сибири, ассоциировались с ней. Этому способствовало несколько обстоятельств, одно из них – общность климата. В 1846 г. в вятской ссылке оказался один из лидеров польского демократического движения Генрих Каменьский. В своих письмах сестре Лауре он называет Вятку «страной зимы»: «Снега так неслыханно много, что даже вообразить себе это нельзя. Есть места, где полностью очищенные от снега тротуары похожи на выкопанный в снегу ров, достигающий проходом до плеча, а для перехода на другую сторону улицы в снегу делают специальные ступеньки» [10, с. 384]. Суровая зима с долго длящейся ночью сменяется быстротечной весной и «псевдолетом», поляка удивляют продолжительные зимние ночи и длинные световые дни летом. Возникают ассоциации с далёким северным краем, где ссыльный надеется увидеть северное сияние. В 1986 г. в Варшаве были изданы воспоминания Августа Иванского, общественно-го деятеля и мецената, который в вятской ссылке пробыл около двух лет (1871-1873). Он также отмечал «суровый, нездоровый вятский климат с постоянными и часто меняющимися ветрами», «немощёные улицы с деревянными тротуарами, напоминающими клавиши» [6, с. 196].

Обширная территория ссылки, в которую вошла Вятская губерния, ассоциировалась с нецивилизованной Азией. Так, к примеру, для ссыльных Казани этот город стал пограничной географической точкой: «город считался преддверием Сибири, где заканчивался европейский мир, и откуда нельзя было бежать» [11, с. 125]. Образ нецивилизованного мира российской провинции рисует и Г. Каменьский, который описывает бытовое неустройство, противопоставляемое устроенному европейскому миру: «Дороги в городе настолько ужасные, что у нас такое было бы невысказано» [10, с. 414]. «Вообрази себе немощёный город, в котором и речи нет о полизе улиц, а движение подвод и дрожок достаточно интенсивное» [Там же, с. 282].

Образ пространства ссылки, ассоциируемого с Сибирью как краем страданий, испытаний, ясно очерчен в текстах XX века. В годы Второй мировой войны в Кировской области оказались польские спецпереселенцы с Западной Украины и из Белоруссии, эвакуированные, беженцы, депортированные. Архивистами Государственного архива социально-политической истории Кировской области обнаружена «Вигилия польских изгнанников», тайно распространявшаяся в рукописных списках. В тексте рождественской песни перечислены необъятные пространства СССР, осмысляемые как земли изгнания и бесконечных скитаний. В священный вечер сочельника осиротевшие изгнанники ютятся

«В уральских избах, в лачугах Башкирии,
Мрачных землянках морозной Сибири,
В пустынях Азии: в Киргизии, Ташкенте –
В пальмовых шалашах, едва спасающих от солнца,
На берегах рек, в степях и лесах...» [7, с. 7].

Совместная молитва – акт единения, преисполненный надеждой на обретение Божественного дара свободы:

«Среди ночной тишины Бог нам родится
И скажет скитальцам: –Наступит время свободы?».

В другой песне («Коляда») польские изгнанники сравнивают себя с «песком, развеянным по широкому божьему свету», «сухими листьями с деревьев, которые разметал ветер судьбы». Как и «Вигилию», «Коляду» завершают чаяния божественного избавления «после тяжёлых потрясений»:

«...Бог всё это исправит,
Нас, изгнанников, благословит
И отчизну нашу спасёт» [Там же].

Стремление сохранить религиозное единство, жертвенность, мессианизм – эти черты польского менталитета отмечал российский исследователь национального «психо-логоса» Г. Гачев. «Польский Космос», по его мнению, – это не земное, а «надземное», воздушное бытие, «польскость» – понятие не географическое, а духовное. «Даже парадоксально скажу, – пишет Г. Гачев, – чем меньше Польши, тем больше поляка. Глубинная амбиция поляка – соперничество с Христом...» [3, с. 467]. Поэтому вопрос актуализации религиозной идентичности в контексте рассмотрения смыслов польского текста становится стержневым.

В чужой земле поляки вынуждены «жить как дикие», «не имея духовного прибежища». Конфликт внешнего и внутреннего мира коренился в отсутствии духовной связи с родиной, с объединяющей силой польской культуры – католичеством. Не случайно важнейшими центрами польской культуры в городском пространстве Вятки становятся места, где происходят католические богослужения, а поляки концентрируются вокруг появившегося здесь католического духовенства. Первая каплица, местонахождение которой неизвестно, была основана ксендзом доминиканского ордена из Гродно Шимоном Гилевским, высланным в 1834 г.

и прослужившим здесь почти десять лет. Позже богослужения проводились в домовый молельне «католического архиерея» – так называли А. Красинского, у которого бывали все католики Вятки. И, наконец, подлинным центром польской культуры стал основанный в Вятке костёл, преобразивший облик города и до сих пор остающийся зримым символом Вятской Полонии.

В 1892 г. по ходатайству ссыльных поляков вятский губернатор А. Ф. Анисин с санкции министра внутренних дел разрешил местным католикам открыть молитвенный дом. Через два года для поляков представился удобный случай выстроить в Вятке каменную каплицу. Выполненный варшавским архитектором К. Войцеховским проект на постройку каплицы был представлен в Строительное отделение Вятского губернского правления в январе 1896 г. В 1899 г. состоялась закладка костёла во имя св. Александра и в память «государя императора Александра III» [2, с. 125]. Открытие костёла состоялось 31 августа 1903 г. На рубеже веков город Вятка постепенно обрел черты эклектики и модерна, что, несомненно, было подчёркнуто в облике Александровского костёла. Следует отметить, что К. Войцеховскому принадлежат планы и других католических соборов, выполненных для ссыльных поляков в этом стиле. К примеру, по его проекту была сооружена церковь в неоготическом стиле в г. Тобольске [4]. Александровский костёл – однефная постройка, имеющая форму латинского креста. В оформлении фасадов доминируют классицистические элементы, соединённые с формами барочного и романского зодчества. В нишах западного фасада расположены скульптуры апостолов Петра и Павла, над входом в храм – окно-роза, которое было украшено цветными стёклами. Руководил строительством молодой архитектор И. А. Чарушин, который в дальнейшем построит красивейшие здания стиля модерн в Вятке.

Пространственный текст имеет тотальный характер, проявляясь в литературном, живописном, фотографическом, архитектурном, скульптурном, бытовом аспектах. Теоретическая основа исследований знакового ландшафта города заложена в трудах семиотической школы. Город здесь рассматривается как «пространство семиозиса». В. Н. Топоров отмечал гетерогенный характер городского текста, на основе которого реконструируется определенная система знаков. Город, пишет исследователь о Петербурге, «говорит нам своими улицами, площадями, водами, островами, садами, зданиями, памятниками, людьми, историей...» [16, с. 274-275].

Александровский костёл – важнейший символ вятско-польского текста, однако в городском ландшафте сохранились архитектурные памятники, связанные также и со светской культурой, с поляками, ставшими знаковыми личностями городского пространства, такими как С. О. Якубовский, оказавшийся в ссылке за участие в вооружённом мятеже 1863 г. Ссыльные поляки принесли на Вятку традиции своих «коварен», где пекли хлеб и сдобы высокого качества. Во владении С. Якубовского была булочная, кондитерское и пряничное заведение, магазины кондитерских изделий и музыкальных инструментов, семь хлебных лавок. Впервые в Вятке он организовал выпуск не только леденцов, но и шоколадных конфет нескольких сортов. У него же закупали торты, пирожные, мармелад [13]. По совету управляющего С. А. Ситникова Станислав Осипович организовал музыкальный салон, где проходили музыкальные вечера с выставкой-продажей роялей, пианино и фисгармоний. Штамп на билетах обозначил это новое заведение как «Кондитерско-музыкальный магазин С. О. Якубовского». Про Якубовского говорили: «Человек добрый, незлобивый, оказывал материальную поддержку бедноте, в особенности же ссыльным». Он умело вел дело и, будучи владельцем нескольких каменных домов, не стеснялся сам работать в кондитерской [17]. После смерти хозяина фирма продолжала существовать под его именем. С. Ситников сохранил традиции, сделавшие фирму, выражаясь современным языком, городским брендом: обычай посылать праздничные торты и бисквиты, приглашать детей на праздники. В воспоминаниях старожилов сохранились образы детства, связанные с кондитерской Якубовского: «...это было обыденное явление для нас пастись у кондитерской... Покрутимся в кондитерской, в булочной полюбопытствуем, а на дворе фабрики беготню устроим. А нас уже знали. Кто-нибудь да выйдет – то пряников, то конфет, а было шоколаду вынесет...» [14, с. 46].

После 1917 года о доме С. Якубовского стали ходить легенды. При ремонте вскрылись глиняные горшки, в которых обнаруживались глиняные и даже золотые монеты. Как объясняет краевед А. Рева, это были «голосники», установленные в музыкальном салоне для улучшения акустики, а монетки – «всего лишь причуды состарившегося Станислава Осиповича, подбрасывающего их в голосники — а счастье?» [Там же, с. 46-47].

В 1895 г. С. Якубовский возвел дачный дом необычной для вятских мест конструкции: деревянное бревенчатое здание, с наружной стороны выложенное узорочной кирпичной кладкой из привозного фигурного кирпича. Внутри стены были оштукатурены, сделаны лепные украшения плафонов и углов «на московский манер» [17]. Исследователи предполагают, что автором проекта также был К. Войцеховский.

Поляки оказывались в Вятке не только в результате ссылки. Так, уроженец Волынской губернии, выпускник Петербургской военно-медицинской академии А. Ю. Левитский был назначен младшим врачом вятского военного лазарета. После выхода в отставку он остался в Вятке, работал врачом. Благодаря своей подвижнической деятельности А. Левитский запомнился не только в Вятской губернии. Больные приезжали даже из далёкой Сибири, так как больница Антона Юлиановича по своему уровню соответствовала лучшим столичным клиникам [1]. О личности всеми любимого врача и сегодня напоминает необычный особняк, построенный в 1910 г. по проекту Э. К. Нюквиста. Своими формами он напоминает жилые дома Англии, Голландии, прибалтийских стран [2, с. 6]. Согласно одной из местных легенд, врач Левитский заказал архитектору Э. Нюквисту дом в виде развевающегося красного знамени – в память о своем дальнем родственнике Иосифе Левитском, эсере-террористе, который 17 октября 1907 г. погиб при неудачной попытке покушения на вятского губернатора С. Д. Горчакова.

Немногочисленные источники – письма, произведения изобразительного искусства – говорят о том, что в польском тексте складываются поэтические образы Вятки как тихого, гостеприимного, провинциального города: «У нас здесь очень красиво и исключительно рано начинается весна. Уже никакого следа снега, и за городом

начинает показываться трава», – пишет Г. Каменьский [10, с. 285]. Природный ландшафт осмысливается, фиксируется в слове, наполняясь культурными смыслами. Г. Каменьский рассказывает своей сестре о прогулках в «Загородном саду» и сосновом лесу, напоминающем ему «самый красивый английский парк», с противоположного берега «почти отовсюду виден город, который издали производит лучшее впечатление, чем с близкого расстояния». Ссылный «привык к очарованиям» охоты, лучшее место для неё – небольшой островок на реке Вятке, плавание к нему – «истинное удовольствие» [Там же]. Сады и парки – важная составляющая культурного ландшафта провинциального города. А. Иванский вспоминает о вятском общественном саде: «совсем ажурный», с двумя сотнями высоких берёз, увенчанных вороньими гнёздами. И прекрасная река – украшение города [6].

Живописный берег Вятки со стороны города запечатлел также и выдающийся польский художник Эльви́ро Андриолли. С 1868 г. он прожил в Вятке три года, совместно с В. Васнецовым расписал городской Кафедральный собор. В 1869 г. Э. Андриолли создал овалный пейзаж «Пристань города Вятки», тонко проработанный карандашом и пером. По словам кировского искусствоведа, пейзаж носит романтический характер. В его основу легли собственные переживания художника, любившего природу с детства. В Вятке Э. Андриолли построил парусную лодку и плавал на ней в ветреные дни «для удовольствия и на удивление вятской публике, гуляющей по городскому саду». В этом пейзаже художник использовал сопоставление пространственных планов, показал панорамный вид на разлившуюся реку и Слободу Дымково. «Находящийся в тени крутой берег с берёзами, с ажурным силуэтом ротонды Александровского сада и постройками у воды звучит контрастом с освещённой солнцем широкой водной поверхностью с парусными лодочками и заречными далями» [9, с. 74].

Вынужденные на протяжении нескольких лет жить вдали от родины, ссылные поляки оставляют воспоминания о характере местных жителей. Г. Каменьский, прощаясь с Вяткой, в своих последних письмах признаёт: «...она стоит в тысячу раз больше, чем я предполагал, покидая родину; я сохраню искреннюю симпатию к её жителям и обществу, в котором встретился с самым сердечным гостеприимным приемом» [10, с. 450]. Он восхищается «искренним, простым, сердечным гостеприимством» вятчан, которое подчиняется только «долгу совести» и напоминает «родственную привязанность» [Там же, с. 452].

Сказанное позволяет сделать вывод о пространственных смыслах, отражающих внутренний мир ссылных. Эти смыслы организуются в разноуровневую систему, включающую единую метагеографический образ российской ссылки-Сибири, нецивилизованной Азии и одновременно живописного провинциального городка. Вынужденные к длительному проживанию в Вятке, поляки по-разному приспособлялись к обстоятельствам новой жизни. Одни (Г. Каменьский, Э. Андриолли) с радостью покидают ссылку, другие остаются здесь (С. Якубовский). Чужое пространство преобразуется, становится своим. И ссылные, и оказавшиеся в Вятке по долгу службы, обосновавшиеся здесь поляки стали частью культурной памяти, наполнили культурный ландшафт образами, воплощёнными в художественных формах. До сих пор они определяют неповторимый стиль города.

Список литературы

1. **Архив А. Л. Рашковского. Врач Левитский, гражданин Вятки** [Электронный ресурс]. URL: <http://larchive-online.com/archive/rushkovsky/levitsky.html> (дата обращения: 01.05.2013).
2. **Безверхова Л. Б., Берлинских В. А., Берова И. В.** Вятка: памятники и памятные места. Киров: ГИПП «Вятка», 2002. 255 с.
3. **Гачев Г. Д.** Космо-Психо-Логос: национальные образы мира. М.: Академический проект, 2007. 511 с.
4. **Горохов В. А.** Первое столетие Тобольского костёла [Электронный ресурс]. URL: <http://www.t-i.ru/article/4949> (дата обращения: 01.05.2013).
5. **Дворецкая Т. А.** Возвращение добрых традиций // Из города над Вяткой: журнал Римско-католического прихода Пресвятого Сердца Иисусова в г. Кирове. 2003. № 2. С. 3-4.
6. **Дворецкая Т. А.** Участники польского восстания 1863-1864 гг. в Вятской ссылке: библиографический словарь. Статьи. Очерки. Киров: ГИПП «Вятка», 2002. 239 с.
7. **Жаравин В. С.** Вигилия польских изгнанников // Из города над Вяткой: журнал Римско-католического прихода Пресвятого Сердца Иисусова в г. Кирове. 2003. № 2.
8. **Замятин Д. Н.** Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. № 3. С. 26-50.
9. **Исупова Г. А.** Эльви́ро Андриолли, 1836-1893. Киров: О-Краткое, 2010. 111 с.
10. **Каменьский Г.** Письма из ссылки / пер. с польского А. А. Герасимчук. Киров, 1989. 481 с.
11. **Новински Ф.** Казань глазами польских ссылных // Польская ссылка в России XIX-XX веков: региональные центры. Казань: Мастер Лайн, 1998. С. 124-130.
12. **Петряев Е. Д.** Литературные находки: очерки культурного прошлого Вятской земли. Киров: Волго-Вятское кн. изд., 1981. 288 с.
13. **Петухова М.** «Ссылный» бизнес [Электронный ресурс]. URL: <http://bnkirov.ru/articles/4578> (дата обращения: 09.07.2013).
14. **Рева А. А.** Гриневский на службе у С. О. Якубовского (неизвестная фотография писателя) // А. С. Грин: взгляд из XXI века: к 125-летию Александра Грина: сборник статей по материалам Международной научной конференции «Актуальные проблемы современной филологии». Киров: Изд-во ВятГГУ, 2005. С. 42-48.
15. **Сливовская В.** Польская Сибирь – мифы и действительность [Электронный ресурс]. URL: <http://www.novpol.ru/index.php?id=1262> (дата обращения: 19.04.2013).
16. **Топоров В. Н.** Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. 624 с.
17. **Якубовский Станислав Осипович** [Электронный ресурс]. URL: <http://marhistory.ru> (дата обращения: 09.07.2013).

META-GEOGRAPHICAL MEANINGS OF VYATKA-POLISH TEXT

Desyatkova Ol'ga Vladimirovna, Ph. D. in Culturology, Associate Professor
Vyatka State University
olgadesatkova@yandex.ru

The author undertakes an attempt of the comprehensive research of Vyatka image in the exiled Poles' consciousness, as well as symbolic places and personalities that influenced the formation of iconic landscape and urban aesthetics, tells that the sources and cultural phenomena, associated with the Polish exile in Vyatka province, have not yet been the subject of study in this regard, and comes to the conclusion that both the exiles and the Poles, who were in Vyatka on duty became a part of cultural memory, filled cultural landscape with images embodied in artistic forms that still define the unique style of the town.

Key words and phrases: the Polish exile; town; province; iconic landscape.

УДК 343.2

Юридические науки

Статья посвящена научному анализу одной из последних новелл Уголовного кодекса Российской Федерации, а именно новой редакции статьи 15 «Категории преступлений». Основное внимание акцентируется на критическом анализе части 6 указанной статьи, предоставляющей суду право на изменение категории преступления, с точки зрения соответствия принципу справедливости, целям наказания, в том числе с учетом замечаний некоторых ученых. Автор приходит к выводу о том, что практическое применение ч. 6 ст. 15 УК РФ может затруднить выполнение судом требования о назначении справедливого наказания.

Ключевые слова и фразы: категория преступления; дифференциация наказания; принцип справедливости; цели наказания; судебный приговор.

Джагрунов Арслан Анатольевич

*Южно-Российский институт-филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации*
dzhagrunov@mail.ru

ИЗМЕНЕНИЕ КАТЕГОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ[©]

В последние годы идет процесс бурного реформирования Уголовного кодекса Российской Федерации. Только за период с 2010 по 2012 годы было принято 48 федеральных законов, вносящих в него те или иные изменения. Деятельность парламента, естественно, не осталась без внимания научного сообщества, а результаты этой деятельности подверглись бурной критике [4, с. 20-25; 5; 6; 10, с. 38-39]. Наиболее существенные изменения в УК были внесены Федеральным законом от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ, а одним из самых противоречивых нововведений стала новая редакция ст. 15 УК РФ. Теперь преступлениями небольшой тяжести являются те, за совершение которых может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок до 3 лет, а неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание превышает три года лишения свободы, объявлены преступлениями средней тяжести. Еще более спорным выглядит предоставление суду права на изменение категории преступления.

Так, ст. 15 УК РФ дополнена ч. 6, в соответствии с которой суд, с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности, при наличии смягчающих и отсутствии отягчающих наказание обстоятельств вправе изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну ступень при условии, что за совершение преступления средней тяжести, а также тяжкого и особо тяжкого преступления осужденному назначено наказание, не превышающее трех, пяти и семи лет лишения свободы соответственно.

Таким образом, применение судом положений ч. 6 ст. 15 УК РФ влечет существенные последствия для осужденного, начиная от вида исправительного учреждения и заканчивая сроками, необходимыми для подачи ходатайства об условно-досрочном освобождении или досрочного погашения судимости.

Вероятно, законодатель решил предоставить суду дополнительные возможности для индивидуализации наказания в духе широкомасштабного процесса гуманизации уголовного законодательства, а также за счет этой меры надеялся «разгрузить» переполненные колонии общего и строгого режима из-за возрастающего из года в год удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений в общей массе криминальных деликтов. Примечательно то, что в данном случае индивидуализация наказания фактически достигается за счет дифференциации, поскольку именно установление категорий преступлений в зависимости от характера и степени общественной опасности является первоначальным этапом дифференциации наказания.

Изменения, внесенные в ст. 15 УК РФ, не остались без внимания и критики со стороны научного сообщества. Например, В. В. Питецкий, рассматривая новую редакцию ст. 15 УК РФ через призму закрепленного